

37 часов

Книга историй об одном часе жизни 37-ми людей в 2018 году.

— А вот я считаю, что живу в самой лучшей стране.

«Очень необычно для таксиста», — думаю я, докрашивая второй глаз.

— Вот был интересный случай. Сам бы не поверил, если бы человека не подвозил.

Блин, кажется, помаду забыла. Нервно улыбаясь влево, выворачиваю косметичку на колени.

— Да не переживайте вы так, успеем. Что переживать? Они пусть там нервничают и вас ждут.

Драматично смотрю в окно. Вспоминаю лица всех тех, кто нервничает и ждет.

— За 40 минут успеем?

— Сделаю, что могу. Навигатор показывает два маршрута. Быстрый и медленный. А мы поедem по-моему.

Только бы мы успели.

Дедушка мороз, в Новом Году я больше никогда не буду опаздывать!

«Лаааадно, поедem по-твоему», — жизнеутверждающим голосом Харламова навигатор принимает маршрут.

— Еду, я значит, в аэропорт, везу даму. А она говорит — ой, наконец-то! Наконец я сваливаю из этой страны.

В америку уезжала. И ей там работу предлагают, родственники

живут... Ждут, значит. И едет такая ругаааается, и все тут ей не слава богу, люди уроды, власть гнилье, вести себя никто не умеет...

В моей голове проносится с десяток историй. Немецкий предприниматель. Небольшой город, бухгалтерия для бизнеса. Вести дела невозможно. Impossible, говорит. Душат, ничего не дают сделать. Эмигрантов понапускали, те сидят на улицах бомжуют. А Лийя. Сколько она плевалась? Токио — холодный город-мечта, город роботов, твой утренний повод для самоубийства. И даже Катя, Катя, которая как рыба в воде, и та говорит, что Нью-Йорк — редкостный бомжатник.

— Вот, уже на 7 минут опережаем.

Так тушь для ресниц. На следующем светофоре.

— Нет, ну нормальный человек? Куда ты лезешь, дай людям проехать, потом паркуйся спокойно.

Я отрываюсь от блесточек. За рулем — Кыргызстан. Чистокровный, женского пола. Светофор теряет последние секунды и предательски переходит на 99, красное. Я смотрю в раскосые глаза тупой тетке. — Вот сучка, — мой внутренний голос едва сдерживается.

Достаю тушь.

— Нет, ну подождала бы немного. И ей бы хорошо было, и мы бы тут не стояли. Вот, люди.

89, 88, 87...

Так вот. Проходит полгода. Еду я на заказ в Пулково. Садится женщина — счастлиивая, на весь салон сияет. Как говорит хорошо, что я вернулась. Полгода жила в Америке и вот домой приехала. Как здесь хорошо.

А я на нее смотрю, говорю, подождите... а это не я вас в аэропорт тогда подвозил? Она смотрит, и правда, говорит, похоже, что вы.

«Я походу тупанул сначала», — Гарик поддерживает разговор.

— Сейчас еще вот тут срежем, — мы лихо сворачиваем на незаметный переулок.

И рассказывает она. Намучалась, говорит. Думала — лучше там. Оказалось, как в тюрьме.

Конечно... Пока ты в гостях, тебя вроде как облизывают. А потом приехал и никому не нужен. Родственники — им самим работать надо, кушать хочется. Остальные все чужие, другая ментальность. Поговорить не с кем — ни одной живой души.

За окном хмуро. Красивый город погряз в пробках и суете.

Однажды я видела сон. Я попала в город зомби, город людей без души.

Они улыбаются тебе. Могут дать постель, обед и стакан воды. Но ты знаешь, что они мертвы и однажды тебя убьют. Ты только не знаешь, когда. Ни одного живого отклика — нервного, спешащего, суетного. Тебе не обидно. Ты никому не завидуешь. Не злишься и не грустишь. Ты даже в открытом виде не боишься. Нет того леденящего — вынуждающего бежать, грызть, впиваться клыками. Ты как лягушка в кастрюле с супом. Спокойно, нарочито размеренно, тепло.

— Какая дверь, вот эта? Ну, вот, видите, нет еще никого. Если бы были — стояли бы уже тут, курили, ругались бы на вас. А так нет никого.

Я врываюсь в праздничные двери.

Я живу в лучшем городе на земле. Здесь холодно, но по настоящему. Могут нахамить, но всем есть до тебя дело. В этой стране всегда есть шанс. Найти лазейку, успеть и прожить свою жизнь так, как хочется.

Сидел в большом зале. Кроме меня было около сотни человек. Сидел в первой трети, ближе к сцене. На сцене девчонки и юноши, легко и чутко красуясь, рассказывали зрителям о том, как они научились делать свою работу лучше.

Выступления закончились и все отправились на обед. По дороге ко мне подошла девушка, с которой мы немного общались раньше. Она нравится мне, а я — ей. Мы снова говорим и улыбаемся друг другу. В столовой нас разделяет поток и я не сильно сопротивляюсь этому.

Сейчас отправлюсь на короткую прогулку по городу. А через час самолёт подхватит меня и унесёт на север.

15 Дек, 16:00

Одним глазом я глядела во вкладку с фильмом Нео Нед, другим в ответы к экзамену по философии. Ну и звиздос эта диалектика Канта с его антиномиями. Надо будет до конца дня написать сочинение по второй антиномии для одноклассника. Он пообещал мне за это денег. Если Дима такой дурак, то пусть платит за свою глупость и лень! "Без лоха, жизнь плоха" — летом сказал мне Жорка.

Я встала и посмотрела на экран мобильного. Ну конечно, он на "звучном" режиме. И все таки вдруг смс я пропустила.

На экране компьютера молодой, короткостриженный (как призывник) Джереми Реннер в образе скинхеда Неда ужимками развлекал темную девушку. У Джереми белая футболка со свастикой обтягивала огромную бицуху. Ясно-понятно, никакого Канта с его антиномиями. С черной нацист сбегал из зоопарка (а оба они из психиатрической больницы и их отпустили погулять в зоопарк). Скин Нед сидел в машине с открытым верхом, за рулем была девочка цвета шоколада, и на них лил дождь. То есть да, они были мокрыми, и искали крышу, где можно переждать дождь. Горячо. Под это дело надо чай заварить. Я проверила телефон на предмет смс и пошла на кухню.

Если бабушка спалит, что я продамбываюсь, а не к экзамену готовлюсь, будет очень не очень. Всего один экзамен, разбаловала меня магистратура.

Пока чайник закипал, я набирала конфет. У меня их в холодильнике четыре вида: из коробки в форме ракушек, халва в шоколаде, аконтовская рулада в нежно-голубом фантике и детский сувенир. Последние в виде шоколадных зверушек с разными начинками. Нет, целую конфету мне будет жирно. Вон кого-то конфетами вообще не кормят в армиях. Я взяла половину яблока, половину халвы, чай в другую руку и отнесла к компу. Села. Встала. проверила телефон, который лежал на системнике. Вдруг мне ответили, пока я была на кухне.

Включила кино. Джерри зажал в углу девушку и они страстно целовались. Он расстегнул штаны, она спустила брюки, камера показала их оголенные животы, футболки то задраны. Ха, Нед держал подружку на весу. Насаживал на себя, держа на руках и

целовал куда попало. Нет, правда что ли, ему не тяжело, или он рассчитывал справиться быстро? Все равно красиво. Я укусила себя за запястье, кожа соленая и горькая от мыла, которым я ополаскивала чашку. Я знаю, кто так со мной хочет и может.

На экране Джерри привез подругу к себе домой знакомить с матерью. Телефон пропиликал. Щеки покраснели, а сердце забилось быстрее. Долбанутая физиология: эндорфины, энкефалины. Опиатные нейромедиаторы. Мой мозг тот еще наркоман.

Давай, Жор. Давай, расскажи, как тебе в армии? Он в армии. Он во время не получил отсрочку по учебе и теперь отбывает под родным N-ском.

Бон прикс. Рассылка от Бон прикса. Вы издеваетесь! Сердце еще билось часто. Я не выдержу! Господи, год целый, я не выдержу. В этой ситуации самое кошмарное, что он даже не мой парень. В городе у него девушка. Они пройдут испытание армией и расстоянием, и Жорка решит на ней жениться. И все, Adios, Александра.

Я попробовала яблоко и решила, что оно такое вкусное, что будет съедено после конфеты. Джереми Реннер рассказывал чернокожей, что не убивал «ниггера» на самом деле и скинхед не настоящий, его не приняли в братство ариев. А потом девушка в качестве поощрения за добрый характер страстно целовала несостоявшегося нациста.

Я подошла к зеркалу. Красивая. Перебросила волосы на одну сторону. А Георгий сейчас под 0,6 или под 0,3 подстрижен? А только успел отрастить густую челку до бровей. Задрала футболку оголив живот с сережкой. Он не видел. «Смотри, Жор. Жорик. Белые камушки подходят к сережке в соске. М? Жорррик». Не, я к нему летом скатаюсь. «Голодный» молодой, темпераментный солдат. Да конечно даст. Но воздержание это форменное издевательство над таким молодым мужчиной. «Ты будешь подарком на мой день рождения, Жорик?». Я поцеловала в губы свое отражение, встав на носочки. Мой солдат высокий.

И пошла проверять мобильник. Нельзя не отвечать так долго! Может их коллективно наказали?

Я прожила в этом городе большую часть своей жизни. Вполне возможно, что ни в одном другом я уже не проживу столько, сколько здесь. И все же он мне уже более чужой, чем Москва. Москва, про которую я была уверена, что никогда не буду там жить. Это немного пугает.

Не знаю, почему я так люблю торговые центры. Лучше всего мне работается именно здесь. Наверное, из-за больших простанств. Я сижу за столиком кафе на балконе и передо мной несколько этажей свободного пространства. Когда потолки 3-4 метра и кругом стены, взгляд постоянно обо что-то стучается. Торговые центры — воплощение прогресса, и иногда я себе представляю жизнь в городе-торговом центре. Огромном торговом центре с квартирами, больницами, школами и внутренними садами. Кажется, я хотела бы в таком жить. Пришло письмо. Уточнения для СМИ по поводу принятой статьи. Так странно. Год назад я считала, что публикация в этом журнале это большое достижение, которого невероятно трудно добиться. А теперь статья принята и мне кажется, что это вообще не важно и любой дурак там публикуется. Как с этим вообще бороться? После любого достижения планка мгновенно смещается и снова оказывается где-то сильно выше. Браслет на руке вибрирует. Это значит, что я сижу уже час, думая о чем-то своем. Надо все-таки приняться за работу.

Половина восьмого

Хотя, на самом деле, сейчас не половина восьмого. И даже не утра, и не вечера. Сейчас час дня. Впрочем, какая разница.. Речь пойдет не об этом. А может и об этом. Кому как удобнее. Лучше поскорее перейти к самой сути.

Пользуясь заминкой в работе в обеденное время, заварив кофе и ответив на очередной звонок суетливого клиента, решил полистать ленту Instagram. Там на глаза попала заметка, в которой один известный бородатый дядька с блестящей лысиной, к тому же блестящий китаевед, или китаед по его собственному шутливому самоопределению, делился своим предположением будто бы наш родной Михаил Илларионович Кутузов был самый что ни на есть даос, сродни некому Чжу-Гэ Ляну. Так сказать, практиковал «недеяние». То бишь сидел и ничего не делал, пока совсем обстоятельства не припрут (знакомо, правда?!). А как припрут, каким-то непостижимым образом менял ситуацию в свою пользу. Дескать, всё это еще у Льва Толстого в романе «Война и мир» прекрасно описано. И тут блестящий китаевед с блестящей лысиной задает своим подписчикам весьма непростой вопрос: «Можно ли быть буддистом / даосом / христианином / мусульманином и т.д., не зная самого учения?».

В этот момент, что-то внутри меня отозвалось, срезонировало, и поползло мыслью наружу. Сначала попытался сформулировать её в там же в комментарии. Но, как только набралось свыше пятисот знаков, понял, что тут всё серьёзнее – вот он час и время, о котором хотелось еще вчера написать.

Мой научрук учит меня «взламывать» привычные смыслы, добираться до самой сути явления, по-настоящему понимать его, а не смотреть каким оно словом названо. Станным образом, это распространилось и дальше – стал замечать, что и люди есть всякие, каждый какой-то определенной сути. И каждому такому общественным сознанием старательно ищутся названия.

Отчего-то так устроено большинство, что постоянно суетливо топчет вереницы жизненных тропинок, разыскивая разные самоопределения и называя это «поиском себя». Человек из этого большинства найдя/получив вдруг какое-то подходящее или приемлемое такое определение, старается самовылепиться под

него в какую-то маску, образ, имидж. Стремится скорее закрепить свою позицию в системе координат общественного мнения, создать мысленную траекторию пути. Редко кому везёт так, чтобы смысловые составляющие вектора названий попали точку (линию?) являющую суть человека. Чаще всего между ними большой разлёт, отчего и получается путь хрен знает куда. Мысленные и желанные те самые траектории рвутся и рушатся напором жизненных обстоятельств. Самоопределения, маски, образы, имиджи превращаются в личины и образины. Безобразное зрелище получается.

Однако, найдутся и такие люди, кто прекрасно живет себе без всяких определений и самоопределений. Ну, разве что иногда соглашаются как-то там называться, чтобы другим удобнее было с ними взаимодействовать. И как-то так получается, что эти полученные ими определения, оказываются ближе всего к той самой линии (точки?) являющей их суть в пространстве жизни.

Отведенный час размышлений подходит к концу. Кофе давно уже выпит. Заказываю такси. Пора ехать за подарками на Новый год.

P.S.: Я тоже не исключение из большинства, и, как могу, пытаюсь в этом тексте выпендриться и самовылепиться в нечто значимое. Ошибки в пунктуации тому свидетели))

P.P.S.: Старое название «Половина восьмого» просто лень было стирать и придумывать новое. Пусть, думаю, останется. Красивое...

Новодевичья тоска

Я сижу на полу с колготками в руках и истошно рыдаю. Без причин и происшествий. Просто пустой срыв. Илья не клюет на это и тихонько подгоняет меня собираться, забирает мусор, говорит, что встретимся у магазина, и выходит. Так оно и лучше. Мне нужно прийти в себя, заземлиться, понять, от чего меня так унесло. Я смотрю на себя в зеркало и не узнаю. Я понимаю, что мне нужна помощь, но не знаю как и где ее попросить.

Выхожу на мороз, стало лучше, всё замерзает, надо сохранять энергию, не время для истерик.

Одна остановка по наземной кольцевой, и мы уже подходим к кладбищу.

— Вообще, это, конечно, отличная идея — гулять по кладбищу в таком состоянии.

— Вот увидишь, здесь отлично!

Я всегда мечтала побывать на Парижском Пер-Лашез, а тут оказалось, можно было просто приехать на Новодевичье. Мы гуляем между рядов разнокалиберных памятников, читаем фамилии, спорим, кто кому внук, и какой способ захоронения самый лучший. Илья достает бутылку старого Кенигсберга, я протестую, вслед из рюкзака появляется темный шоколад с апельсином.

— Это кощунственно, — вот мой укор, но пару глотков для сугреву я всё же делаю.

Проходим могилу Шаламова, Илья напоминает мне о том, что он — автор колымских рассказов. Я припоминаю.

— Тебе надо обязательно почитать их, если ты хочешь познать настоящую глубину страдания.

— Мне кажется, я и сама зашла достаточно глубоко.

Я окончательно замерзла, не смогла найти могилу Маяковского, прочитала кучу интересных фамилий, узнала, что Гурченко умерла 8 лет назад, и на выходе наконец вспомнила.

— Я вспомнила! Я хочу, чтобы мой прах замешали в грунт с семенами, из которых вырастят дерево! Есть еще контора, которая может сделать из тебя виниловую пластинку, но это уж слишком.

— А я хочу, чтоб мое тело сбросили с вертолета в Тайгу, чтоб с ним естественные процессы произошли, — говорит Илья.

Я смотрю на него, удивляюсь и хочу, наконец, привести себя в порядок, чтобы не мучить ни себя, ни этого удивительного человека, а просто любить и радоваться.

Смотрю на часы: 6:42 АМ, выхожу из дома. Час на сборы — невыносимо долго, но пока уменьшить не удастся. Все равно это сильно лучше чем 3 часа прокрастинации от подъема до выхода, которые были обычной историей до того как я стал вставать до шести. В ушах — аудиокнига о принципах лидерства от ветеранов Иракской войны. Слушать про приключения храбрых морпехов уже надоело, и даже немного противно, но идеи там хорошие: рафинированные, редкие, и применимые. С утра я всегда пытаюсь слушать что-то заряжающее, мотивирующее, даже если ради этого приходится пожертвовать художественной красотой или приятностью текста. Вечером — наоборот, что-нибудь расслабляющее и уносящее в другие миры, чтобы создать прослойку между работой и домом и настроиться на креативный лад.

Шестое авеню — взгляд налево. Там, еще в темноте, горит огнями Всемирный Торговый Центр, а если вывернуть голову назад и направо, можно увидеть Эмпайр Стейт Билдинг, сегодня зелено-красный, в честь Рождества. Ускоряю шаг — нужно успеть на зеленый свет на следующем авеню. До офиса идти всего десять минут, и обычно я не замечаю дороги. По пути к столу наливаю кофе, выбираю банан пожелтее. Офис абсолютно пуст, даже более пуст чем обычно в это время — все разъехались на праздники. У меня есть два с половиной часа повышенной концентрации до завтрака.

Смотрю на часы: 7:20 АМ. За окном рассветное солнце начинает подсвечивать небоскребы. Поднимаюсь на крышу, чтобы сделать пару фото и отправить спящей еще жене. Небоскребы за окном, утренние, вечерние, или даже дневные, всегда мотивируют. Просто посмотреть на них часто достаточно чтобы повернуть мысли в продуктивное русло. Вообще на меня очень сильно влияет окружение, даже маленьких деталей часто достаточно чтобы изменить поведение или ощущение. Я моделирую свое настроение через среду обитания — подбор заряжающих аудиокниг с утра, выбор оптимального времени для принятия кофе, газированная вода вместо обычной чтобы не было соблазна взять что-то сладкое, автоматический черно-белый режим и отключение уведомлений на телефоне после 9 вечера.

Пробую новый способ организации задач — отвести один лист под “ровно одна вещь которую я делаю сейчас”. Когда задача сделана (или деприоритизирована), она вычеркивается, а за ней пишется следующая. Такой подход не позволяет мозгу выбирать самые простые задачи из списка или прокрастинировать на выборе. Пока работает, но как обычно с похожими техниками непонятно почему — то ли новизна, то ли действительно что-то в этом есть. Допиваю кофе. Следующий стакан — не раньше одиннадцати.

Смотрю на часы: 8:02 AM.

New York, 26 Дек, 06:42

Я сижу в нелюбимой коммуналке. Уже ночь, завтра работа, но спать я не хочу. Я и так спала весь день. Все воскресенье, я его пропустила, чувствую привычные стыд и вину за то, что позволила времени утечь. Завтра в офисе будет плохо, скучно, муторно, буду терпеть, но по-другому я жить пока не научилась.

Я озираюсь вокруг и недовольна тем, что давно не убиралась. На тумбочке грязная пиала с засохшим творогом, на комод — стопка тарелок вперемешку с салфетками, фольгой от фалафеля и пустой упаковкой из-под майонеза, под этим всем распахнутая тетрадь. На открытом развороте почему-то написано «Стыдно плакать», хотя это неправда. Стыдно плакать только при других, а наедине с собой сколько угодно. Меня всегда удивляют такие послания от себя. Кому и для чего? Как будто я надеюсь, что кто-то зайдет в комнату, пока я буду на кухне, прочитает это и решит меня утешить. Усадит рядом и скажет: «Плачь, плачь сколько тебе вздумается, это не стыдно». В груди непонятная тяжесть и боль, я не могу от нее отделаться. Это тревога за будущее, неудовлетворенность собой и злость на бессилие.

Мне одиноко, но не так, как в юности. Нет болезненной потребности в людях, но есть ощущение всеобъемлющей небезопасности и уязвимости. И понимание, что помочь себе могу только сама.

Я живу на крыше, на мансардном этаже, так поэтично описывается комната в договоре, а если честно, — на самом обычном чердаке.

В 14 лет я мечтала о таком творческом пространстве, и, вот, мечта осуществилась, а хочется совсем другого. Когда сочиняешь мечты, не забудь указать желаемые даты.

Утро сегодня началось в 6 утра. Если мозг глубоко спит, а мне резко приходится подниматься, я не успеваю нажать воображаемую кнопку выбора языка. Выпариваю автоматически на русском. Слышу громкий шум, кто-то бежит в крыше, по звуку похоже на приземление птеродактиля. Выхожу в пижаме на улицу за пару минут.

— Marder снова у нас, зараза, — оживленно признался Вальтер.

Я слышу спросонья слово как Mörder (с нем. убийца), пугаюсь, драматично начинаю задавать вопросы. В ситуации паники, стресса или эйфории у меня пока что не получается мгновенно использовать иностранную речь, всегда нужен временной отрезок собраться, хотя бы пару секунд. Быть может должно пройти минимум два года в языковой среде, чтобы привыкнуть. Знания из учебников постоянно разбиваются об стену реальной жизни.

В речи соседей слышу снова Marder – Tierchen. Спасибо уменьшительно-ласкательному суффиксу, он проясняет ситуацию. Это зверёк. Смотрю быстро в телефоне перевод – куница. Пришла она

к дому, где я снимаю комнату, из лесной зоны. Дом находится над автобаном в меньше чем минуте ходьбы с одной стороны, с другой — природной зелёной зоны, которая поглощает весь шум. Благодаря этому и специальной конструкции, иногда я забываю, что рядом легендарные скоростные дороги, настолько тихо.

Куница только выглядит мило. Не знаю, как отреагировать на ситуацию, начинаю гуглить, как спастись от куниц. Удивляюсь, но запрос совсем не уникальный. Ситуация не единичная, маленький зверек снискал такое плохое отношение среди автоводителей,

потому как он часто забирается в машину и перекусывает кабеля. Пишут, куницы находят вкусной пластмассу. Почему? А какой пластик на вкус? Это кто-нибудь исследовал?

Поднимаюсь назад на чердак, в голове много вопросов. Учусь извлекать из любых ситуаций положительный опыт. Я совершенно не хотела сегодня ехать к Максиму, воображаю, что это достойно отмазки: сорри, сегодня не приеду, машина не завелась, куница прогрызла в машине провода.

Гамбург, 23 Дек, 06:03

Вечером, как обычно, завалился на диван – полежать, посмотреть интернет, потупить в ютуб, ну и предаться вечерним размышлениям. Всё стандартно. Листаю ютубчик, и тут мне попадаете ролик, озаглавленный «Ёлочка мне нравится?!», ну, думаю, дай-ка гляну. Посмотрел, буквально одну минуту, но как хлёстко, метко и злободневно, какой порыв, страсть, аккорд! Думаю... Осмысливаю...

Нет, я давно не испытываю иллюзий касательно положения дел в Крепоносной Державе, но вот как-то тронуло, задело какие-то струны души. Я испытываю гамму чувств, жалость, ярость, ненависть, разочарование. Такое невозможно создать искусственно, не сыграть, не симулировать, нет, этим надо жить. Чувствуешь свою беспомощность, слабость, бессилие... давление социума и культуры, описанное ещё Фрейдом и им же положенное в первопричины различных психосоматических расстройств. Не сомневаюсь, что он прав, так оно и есть на самом деле, попробуй не согнись под таким давлением. Мне интересно, это всё же — диктатура большинства (с чем можно согласиться... да, я ищу внутреннее самооправдание для успокоения самого себя) или, всё же, меньшинство, создавшее иллюзию своего превосходства (вот тут уже себя никак не успокоить).

Хочется чаю, иду на кухню и по-быстренькому завариваю чайку. Это простое действие, отточенное до автоматизма, успокаивает. Думаю, а в конце то концов, мне какое дело до всех — до них, живу я неплохо, надо ли так переживать. А может быть, это как раз та внутренняя нравственность, врождённая, та, которую Кант определил в 6-е доказательство существования Бога, опровергнув предыдущие 5-ть Фомы Аквинского? Может быть и так. Интересно, а те... там, наверху, у власти, им присуще сострадание, сопереживание, угрызение совести? Наверное нет.

Пью чай и запускаю }{0tt@бь)ча, давно хотел пересмотреть, — сильный фильм. Умели ведь раньше делать. Из последнего — нашего — смотреть то и нечего. И ладно бы, как в Гриффинах «секс на телеэкране, жестокость в кино», так нет же, одна сплошная пропаганда и мусор (не трэш, а наш, отечественный мусор, он же полицай и другие эпитеты). В конечном счёте, как уже много раз до этого, я прихожу к мысли о том, что наша жизнь

(бытие) в целом не имеет никакого смысла, а раз его нет, то нечего и терзать свой скудный разум, пытаясь понять непостижимое. Смотрю Хоттабыча. Занавес.

Москва, 2 Дек, 19:00

A.

Шанхай, 16 Дек, 21:02

Наверное, у большинства людей на протяжении жизни возникает желание перенести на бумагу свои мысли и чувства. Я такое-же «неисключение».

Для моего «Я» каждый такой опыт заканчивался печально — оно сжималось, уменьшалось до точки, поскуливало и рыдало где-то в пятке. Из-за скудности словарного запаса, отсутствия логически построенных фраз, а также из-за того что, пережитые мною эмоции, такие многогранные, яркие, глубокие, сложенные в буквы и предложения, выглядели смешно и скудно на бумаге. И даже сама бумага и блокнот вызывали больше эмоций, чем то, что ещё недавно не давало мне спать, заставляло плакать и смеяться. Сколько самобичевания, и упреков себе и природе, которая не наделила меня исключительным литературным даром! Ведь есть же люди, чей слог вызывает такие движения в наших душах, что мы проживаем не свою жизнь, а жизнь, созданную ими, теми же словами, из тех же букв. И вот, после таких грустных опытов, приглашение описать мой мир изнутри искренне.

Умные мысли быстренько покинули мою бедную голову, «Я» зашевелилось и тихо стало сползать в знакомое ему место... Что я по поводу всего этого думаю? Не хочется мне что-то подбирать слова для моих переживаний, отношений, любви и не любви... Все записи на бумагу я давно ограничила в рамках вопросов бизнес ежедневника «что делать?» и ответов «что сделано». Повторять «опыты Монтеня» для потомков? У меня не возникает желания выносить наружу мои мысли, и рассуждения, свое отношение к чему бы то ни было. Это чувство, возникнув как я уже писала выше из-за отсутствия талантов, далее превратилось в ощущение, что я, какой я себя представляю есть только мои мысли. Внешне существует большое количество фантомов «меня» в головах моих родителей, детей, друзей, сотрудников и многих других людей, которые, волею судьбы, находятся рядом или однажды остановили на мне свой взгляд. И для каждого из этих людей я только его образ. И я сама уже не знаю кто это «Я». И где уж там попробовать все это описать!

Кажется, записывать происходящее целый час — это сложно и скучно. Вроде, и сказать нечего, а вроде бы — хочется и попробовать. Вдруг, действительно, через несколько лет, обернувшись и взглянув на этот текст, увижу удивительное. А может, и вовсе не вспомню, что такое когда-то проносилось в голове. И да, мне очень страшно. Сейчас напишу — а будущая я прочитает и поймёт, как же она скучно, блин, жила в молодости или что задавала себе вопросы, на которые должна была ответить гораздо раньше.

В такие дни — предновогодние — принято подводить итоги года. Думать, что удалось, а что — нет. Меня это всегда вгоняет в ступор. То чувствуешь себя неудачником, у которого ничего грандиозного не произошло, то не знаешь, с какого конца подступиться к своей жизни, чтобы подвести эти самые пресловутые итоги. Да и как запихнуть всё, всё, что ты чувствовал и переживал в течение года в несколько строк? Это же надо выделить главное, но тогда получается, что главных вех — всего несколько. А всё остальное — это фон. Все мои маленькие беды (пролитый на светлую кофту кофе, порванные колготки, царапина на экране телефона или недовольный тон коллеги), мои смутные радости (хоть пролитый, но вкусный кофе, а колготки — ну, зато, теперь новые супер эротичные куплю), незамутнённые мысли о том, что я вижу и слышу вокруг себя каждый день, все эти стимулы и триггеры — просто фон, равнина. А уже на этой равнине возвышаются вехи, так сказать, Эвересты моего настроения и состояния — новая книга, к которой я приложила руку, решение сменить работу, расставание с дорогим и близким человеком, переезд, смена цвета волос (да, это очень важно!) и т. д.

Не хочу так. Ведь просто вехи — это не я. Я — это вся я, с равниной, не только с итогами и галочками, которые условно обозначают жизненные взлёты и падения. С тем, что происходит каждый день и постоянно. С вечно меланхоличным настроением и страхом остаться одной, с жалобами на недостаточное количество лайков в инстаграме (который ума не приложу, зачем завела) и какими-то банальными мыслями и бытовыми проблемами — тоже я. В последний год особенно чётко поняла, что я и моё существование — это не глобальные всплески, это реально тонкие

нити, из которых ткётся каждый день, каждый час и каждая минута. Нет, думала так и раньше, конечно. Сейчас особенно. И это, наверное, главный итог. Когда каждую секунду всё меняется, и всё это важно для тебя, можно ли говорить о глобальности? И почему-то от этого понимания даже радостно. Здесь я всегда вспоминаю про парадный сервиз, который стоит 99 % (а то и 100 %) времени в серванте и прибережён для особых случаев, которых, в своей великолепной особости, попросту не бывает. Так сервиз и пылится, пока какой-нибудь любопытный ребёнок или хозяйка, мечтающая провести генеральную уборку, его случайно не грохнет на пол. И полетят... осколки девичьих сердец.

Задумываюсь обо всём, что сейчас говорю, и в памяти всплывают обрывки разговоров. Но не о чём-то важном, а так... кокетливые фразы в порыве флирта, случайно состыкованные друг с другом слова не к месту, над которыми долго и дружно хохотали («туго идёт, но идёт», не забудь это, пожалуйста!), слова-суждения о лысых котах («ужасающе прекрасны»), переписки во время подготовки к встрече с друзьями («лучше буду жрать батон, чем готовить») и т. д. И ведь это всё мелочи, отрывки из обрывков (так постоянно говорила химичка в школе), не имеющие значения ни для кого другого. Так почему запоминается именно это? Вопрос.

Сижу, вокруг — новогодние гирлянды. Светятся разным цветом, подмигивают мне (мигают в режиме из серии «ужас эпилептика»), намекают, что завтра, уже завтра праздничная оргия достигнет апогея. На столе — кем-то подаренный чай «чёрный с брусникой и шиповником» (типа с новогодним рисунком), с люстры — свисают купленные мной лет 15 назад стеклянные шары. Красивые, с блёстками, шершавые. Ох, копила в те годы к каждому новому году деньги, специально, чтобы закупить украшений. И так искренне радовалась, выбирая всё это: не существовало занятия приятнее. Казалось, если я не создам праздник, то кто. Детство. Сейчас не так. Вижу украшенные улицы, людей с подарочными пакетами, ёлки, которые продают то на том, то на этом углу, людей в костюмах сами знаете каких дедов, а самой шевелиться не так-то и хочется. Есть новогоднее настроение и праздники, есть я. Мы по отдельности, но периодические в эти дни сосуществуем. Интересно, это зарождается самодостаточность или всё-таки лень?

30 Дек, 20:00

Пошла гулять. Холодно, думаю о том, как стать великим ученым, вроде бы сейчас ближе к этой цели, чем когда-либо, но всё равно ещё много вопросов и проблем, ещё думаю о том, насколько сложнее становится общаться с людьми. Пересказывать сотни вещей, из-за которых я переживаю... Обычно это не работает. С друзьями из России так точно.

Прохожу мимо частного дома, вижу свет и движение в окне. Комната украшена, ёлка стоит в углу и мужчина в свитере с оленями завязывает ленточку на подарке. Вроде бы всё мило, но охватывает ощущение какой-то искусственности происходящего. Как картинка из каталога Икеи.

Оставшуюся часть прогулки думаю о том, как легко мы хотим то, что нам говорят хотеть. Счастье с доставкой на следующий день и покупка всякой ерунды под новым предлогом заботы о себе. Очень смешанные чувства. Но у меня же по всем 100 вопросам смешанные чувства и я всегда завидую уверенности всех в своей правоте. Ну, и холодно.

Окна выходят на седьмую авеню. Стойка из черного дерева, высокие круглые табуреты, как в баре. И все-таки неудобно. Прохожий в распахнутом сером пальто бросает на меня взгляд и направляется дальше. Жаль, у другого угла, где она выходят на тихую улочку, уже чья-то спина нависает над раскиданными по стойке пакетами. Придется сидеть здесь. Как же любят в этом городе выставлять тебя на показ.

Трогаю пальцем размякшую от пара крышку пластикового контейнера с перловым супом. Я по очереди открывала все восемь кастрюль, помешивая их содержимое поварешкой и опуская голову в поднимающееся облако (ведь проще всего определить отвратительный привкус столовой еды именно по запаху), но все равно суп оказался довольно плох. Надо было не лениться и дойти до кофейни на соседней улице.

Смотрю на женщину средних лет и среднего достатка, взбирающуюся на соседний табурет. Почему она пришла сюда без компании, в середине рабочего дня? Как ей, комфортно быть одной? Достāju телефон и забываю о женщине и том, что минуту назад мне было неловко сидеть не сняв верхней одежды, с супом на витрине супермаркета.

Поднимаю голову от телефона. Передо мной пустой контейнер. Как много раз я обещала себе за едой быть собранной, и всё равно. Выкидываю пластик в общий мусор — администрация магазина не потрудилась поставить две корзины для раздельного сбора. Злюсь, но тут же вспоминаю перед глазами встают многочисленные мусорки Старбаксов с отверстиями для пластика, из которых торчат салфетки, стаканы, остатки еды.

Выхожу и огибаю угол дома. Окно, где я только что сидела, скачет сбоку пятнами лиц, одежды, пакетов, полок с продуктами. В конце улицы виднеется срезанный конус небоскреба, выстраивающий и упорядочивающий дрожащие квадраты серого неба. Хочется вдохнуть глубоко, но лёгкие словно упираются во что-то. Знакомое чувство. Больше всего похоже на потерю связи между происходящим и вовлечение в это происходящее. Ну что ж, так даже лучше. Живее.

Чуть дальше по улице теплый свет заливает окна маленькой книжной лавки и очень хочется туда зайти. Но говорю себе, что один раз уже была там и ничего не нашла — в основном продают религиозно-эзотерические очерки основателя какого-то течения. Но синяя обложка с надписью "Spirit and art" заставляет меня вернуться.

Чтобы не тратить времени, с порога спрашиваю о книге.

— Я вас не слышу, — полненькая темноволосая женщина поднимается из-за прилавка и проходит ко мне. Обычно продавцы раздражают меня, вмешиваясь в только зарождающиеся отношения с новыми вещами, но сейчас этого нет. Может потому что у этой женщины плохой слух.

— Какие у вас есть книги об искусстве? Я заглянула, из-за той что стоит на витрине.

— Какой? Сейчас посмотрю, — она выходит на улицу раздетая, чтобы понять о чем я говорю. — Наверное это последний экземпляр. Берите ее оттуда.

— На самом деле, мне не принципиально именно эту книга. Может быть есть что-то про цвета?

— Да, есть замечательная книга Штейнера о цветах!

Вспоминаю что так и звали основателя этой секты (или школы, не знаю) с красивым названием антропософия... Женщина просматривает полку за полкой, пока не находит то, что ищет, передает книгу мне.

— Знаете про Гётеанум? Его стены и потолки украшены росписями. И Штейнер читал лекции об этих картинах и их цветах. Они собраны здесь. В первый раз, когда я её читала, мне не очень понравилось. Но во второй раз — столько нового открылось!

Гётеанум. Храм Гёте. В прошлый раз, когда искала информацию об этом учении с красивым названием, я добавила Гётеанум в закладки на картах. Вдруг буду где-то неподалеку.

Листаю страницы. «Растения всегда рисуйте разными оттенками зелёного и темнее, чем они есть на самом деле. А затем, покрывайте всё изображение легкой дымкой теплого света. Именно так лучше всего передаются те ощущения, которые в нас

вызывает луг с зелеными травами.»

Подхожу к прилавку в дальнем конце зала, сажусь напротив женщины.

— Вы знаете Рериха?

— Кого?

— Николая Рериха. Он рисовал Гималаи.

— Ах, да, знаю! Я просто произношу его Ро-э-рих. Здесь еще есть его музей.

— Да. Я очень люблю его. Цвета на его картинах напоминают мне о рисунках что у вас на стенах. Я возьму эту книжку. Сколько она?

Мы рассчитываемся и еще немного болтаем об искусстве, о небольших квадратах с узорами, что продавщица рисует, о занятиях, проходящих здесь.

Я смотрю в темные глаза женщины, морщинки на ее лице, небольшие колечки волос, выбивающиеся из завязанного хвоста. Улыбаюсь. Мне хорошо и уютно с ней. Так же, как от света, льющегося из окон этой лавки.

— Как вас зовут?

— Сильвия.

— Приятно познакомиться, Сильвия. Надеюсь, еще увидимся.

Выхожу на улицу, проводя рукой по мягкой обложке книги. Глубоко вдыхаю свежий декабрьский вечер.

Я лечу на самолете, уже почти 2 часа. Остаются еще 1 час полета, я нервничаю.

Ничего страшного не происходит, просто я боюсь летать на самолетах. Больше всего я боюсь турбулентности и сейчас пока я в полете, я нахожусь в постоянном ожидании когда же она назначается. Турбулентность так и не начинается, мои страхи направлены.

Да я знаю, что самолеты падают очень редко и самое опасное в полете это взлет и посадка, но я все равно боюсь. Из за этого я не могу уснуть, приходится постоянно думать...

Я провалился в сон, не помню толком что там было, просто размытые картинки из прошлого часа раздумий...

Снова смотрю в иллюминатор, в облаках появляются пробоины и теперь я вижу землю. Горы и долины, некоторые горы такие высокие, что на их вершинах лежит снег.

Скоро будем снижаться, а я почти успокоился, а тут опять настало время волноваться.

Не то что я особо боюсь смерти, 3 года назад я даже прыгнул с парашютом и получил удовольствие.

Я боюсь летать на самолетах и не только из за того что летать небезопасно, вторая причина — это слишком долго ждать, когда этот риск закончится, не люблю ждать.

До конца полета остается минут 20 и самолет начинает делать круг над морем чтобы развернулся и пойти на посадку.

Смотрю в иллюминатор. Солнечная погода, вот уже видны дома и скоро будет аэропорт. Интересно сколько раз до меня другие люди, также сидели и смотрели как идет посадка и где наступал тот самый момент когда пассажиры понимали что скорее погибнут. Что они думают при этом? Паника, ужас и мысль, что тебя уже НИКОГДА не будет. Я думаю теперь про то что когда то был уже мертв, за 35 лет до своего рождения и еще за 100 лет до этого, мертв это когда ты пустота...

Смотрю, уже видно аэропорт.

История плохого настроения (с хорошим концом)

Почувствовав себя крайне несчастно и безрадостно, я — обыкновенный человек женского пола, закапывал себя еще глубже в яму опасений, тревог и пессимистичных мыслей. Но периодически я одёргивала себя — ведь к чему это всё — частичка критического логического мышления утрачена ещё не была.

Хотелось разобраться, вопрос касался темы: «свобода другого». Это когда тебе хотелось бы, чтобы твой близкий человек вёл себя определенным образом (и это бы принесло тебе, несомненно, радость), но он чувствует себя плохо и не может вести себя иначе.

Ты должен сострадать, и ты пытаешься помочь, но это не дает результата, и тогда ты думаешь: «Я стараюсь, хотя мне самому плохо, ничего не выходит. А ему, видите ли, просто плохо, но он не старается. А что же тогда я!».

После этого из неоткуда появляется огромный поток тревожности, жалости к самому себе и печали, будто где-то открыли все твои внутренние краны и поток постоянно усиливается, снося всё на своем пути.

Ты вспоминаешь тут же о всех своих прошлых неудачах, ты вспоминаешь всё, что тебя раздражает в твоём человеке, и всё, что он когда-либо не сделал, затем, ты переключаешься на будущее. А ведь ничего и не будет дальше — раз и сейчас не очень, дальше-то наверняка будет хуже. А ведь я мечтал и о том, и о другом, и, вот, уже не сбылось! Провал в пропасть горестности и печали, все глубже, глубже... И вот, наконец-то, ты дошел до хорошо знакомой стадии, очень хорошо знакомой, но немного позабытой в последнее время, а именно — стадии рефлексии, полной, тотальной, безжалостной и беспощадной.

У этого состояния тоже есть несколько «этапов». Начинается все с самоанализа, когда ты расстроен и эмоционален этой фазой практически пренебрегаешь, она занимает от силы секунд 10, и, в качестве субстрата, ты используешь что-то лежащее на поверхности, из последнего, либо всегда актуальное. Далее быстро наступает само-недовольство, ты признаешь, что претензии обоснованы и дальше, естественно, требуются санкции, в полной мере отраженные стадией самобичевания.

Здесь ты осуждаешь себя (ну, конечно, параллельно жалея), грозишь себе, и моделируешь негативные последствия твоего недостойного поведения. И все это приводит к последней стадии — само-разочарования, здесь уже минимум здравого смысла и логики, практически полное царство эмоций. Именно в этот момент ты захочешь плакать, или будешь ходить с ужасным выражением лица, настолько ужасным, что это становится смешно самому себе. Все это прекращается, ровно тогда, когда тебе стало до смешного противно от себя, или до противного смешно. Или если кто-то тебя одернул.

Вся эта гамма чувств, богатство мыслей, изощренная изящность внутренних диалогов длилась каких-то 15-20 минут, но, конечно, вызревало несколько дней. Затем время разогналось. Как только вокруг возникли какие-то активные действия, разум, хотя и очень неохотно, покинул самого себя и повернулся лицом к внешней среде. Когда извне тебя зовут, разбивая твои наиболее негативные фантазии и, очень медленно карабкаясь к свету, ты отвлекаешься от внутреннего. Нет-нет, внешне ты мгновенно реагируешь на речь людей, ты поддерживаешь разговор, это только внутри ты всё ещё карабкаешься.

Допускаю, что со стороны ты выглядишь странно, заторможено или ещё как-то. При взаимодействии с миром в таком настроении, ты не сразу можешь выбрать модель общения, конечно, не менее важно то, с кем говоришь. Если это — изначальная причина твоих тревог, то в тебе борются два чувства: желание ничего не показывать (ведь я же мощь!) и желание выложить всё (пусть, мол, знает).

В итоге, получается некий салат, с не самым искусным подбором компонентов. Когда твой чуткий собеседник говорит с тобой, он немедленно заметит, всё что ты пытался скрыть, и есть надежда, что проигнорирует то, что ты показываешь специально. Ты отвлекся буквально на минутку, и всё — сработал выключатель — и ты уже здесь и сейчас, уже решаешь повседневные задачи и думаешь о земных проблемах. Но ты еще угрюм. И ты даже не можешь себе представить, что через N-времени всё это покажется милым и смешным, твоя жизнь абсолютно прекрасна и ты чувствуешь себя прекрасно.

Твои мечты может быть сбылись не все, но сколько всего сбылось, о чем ты и не мечтал (правда, дико бесит, когда твоя мечта сбылась у кого-то другого, а он об этом и не мечтал, а теперь делает вид, что мечтал). И всё хорошо — мир внутри, мир снаружи. Это наступает быстро при помощи другого человека и гораздо дольше самостоятельно. Но, все-таки, наступает. Для всех тех, кто чувствует себя плохо сейчас, хочется сказать, вы не поверите, НО — стать лучше МОЖЕТ! Я ведь вчера тоже не верила...

Саратов, 24 Дек, 15:09

Стокгольмский синдром.

Stockholm, 17 Дек, 19:00

— Сейёный, синий, асёстый [желтый?], крастый! Малява [поймала]!

Дочь называет цвета на гирлянде, повешенной женой на люстру ещё вчера, когда я ехал в метро домой. Она прислала мне фотографии, как у неё получилось, а я рассматривал их, прислонившись к двери, к которой "не прислоняться", замечая краем глаза, что кому-то, кроме меня, интересны картинки в отражении стекла.

— Куда ты меня тащишь за пальцы, я же пишу?

— Раз, три, один, три!

— Это какой-то шифр? - Жена спрашивает из ванной и включает фен.

— Наверное... — Отвечаю я и дочка убегает к маме.

Сушишь волосы феном? Зачем? Ты мыла голову? Ах, да, ведь ты выбежала из ванной и бросилась наряжать ёлку. С музыкой, тобой и дочерью делать это было замечательно. А теперь вернулась дошушиваться и снова вместо этого дуешь на малыша, который совсем не малыш, а самый настоящий toddler.

Я собирался сходить в Перекрёсток, надеюсь, ещё не все полки опустели за неделю до праздника. В холодильнике почти нет еды, но ведь ещё полно круп и овощей снаружи. Две недели не покупал свежее мясо, но и его недоеденный кусок остался в кастрюле. Так за чем я иду? За йогуртами? Осталось полтора часа до закрытия.

— Ты будешь в спальне? Тут малышка кидает монеты в решётку батареи!

— Пока да!

— А потом?

— А потом в магазин.

Не знаю, что купить, но что-то хочется — чтобы было на виду и могло периодически мною жеваться. Не умею есть, точнее, редко ем в удовольствие, потому что не знаю, что мне нравится.

Наблюдать за своими мыслями не сложно — сложно сменить контекст и не думать о тексте, не наблюдать наблюдение. Привет, Варела. Как пишется «Варела»? Надо загуглить. Варела.

— Кутить, айеней [крутить оленей]!

Да, это увлекательно, особенно, когда они такие блестящие, а ты такая маленькая и видишь их металлические трафареты впервые в жизни в свете свечей.

— Работа? — Жена входит в спальню.

— Нет, просто пишу.

— Тогда гони мобилу, буду смотреть твои фотки.

— У меня одни видео.

— Вот ты жук. Тебе кто-то что-то написал.

— Это мама, скорее всего. Я ей показывал, как мы ёлку наряжаем.

— Можно прочитать?

— Попробуй.

— Пха!

— Что?

— "Ей это необходимо".

— Ох, мама, мама...

Она у меня слишком... Воздушная? Нежная? Пушистая? Пушистая.

...

— Она там оленей раскурочивает потихоньку, ей очень нравятся эти олени.

— Мама, мамади [помоги]!

— Ты хочешь слезть с подоконника?!

...

— У нас есть ещё более неиспользуемая мышь, почему ты из неё не вынул батарейки для гирлянды?

— В ней почти севшие.

— Интересно, они заработают? О, работают!

— Неееек, снеееег... — доносится из оккупированной игрушками гостиной.

Так, надо записать её пение.

— Как же она замечательно говорит, раньше вообще не могла. Она там лезет в твои инструменты, я пытаюсь их защищать, но лучше иди защити сам, не то «Призараки, сатаращно». Она решила уйти от нас. Застегни мне браслет.

— Ты готова?

— К чему? К застёгиванию?

— Да.

Чёрт, какой же острый замок, впивается под ногти.

— Я должна была быть готова к какому-то очень нудному застёгиванию?

— Папа, цыцёнок!

— Почитать тебе считалки про цыплёнка?

— Да, дези [держи]. — Очень скоро ты научишься расщеплять звуки. А потом у тебя вытянутся ноги и понесёшься.

— О, да тут не только цыплёнок! Один котён. Два лягушона. Три цыплёнка. Четыре куска сыра у мышонка. Пять щенков! С этими бешеными глазами.

— Я не узнаю, когда закипит чайник! Куда ты дел свисток?

— Он там рядом лежит!

— Не мог бы ты его надеть?

— Чуть... Позже. — Я пишу.

— Он весь выкипит.

Действительно, пойду надену... Привет, свистун. Уже свистишь?

— Выключи его!

— Выключил.

— А почему он свистит?

— Не остыл.

— Залей дош. — Дош. — Ты накрыл его крышкой? Я накручиваюсь!

— Накрыл!

Чёрт, надо срочно накрыть. Почему так громко шуршит крышка?

— Я так и знала! У вас роман!

— С кем? Когда?

— С ней! :-) Ладно, где твой телефон, я буду смотреть твои фотки.

— Я не знаю, ты же только что его читала сама.

— Нет, я накручивалась. Пойду поищу.

С кем у меня роман? Да какой роман?

— Балбесина, ты же его сам положил на пол малышкино пение записывать.

Правда балбес, даже смешно:-) И жена садится со мной пить чай.

— Ваижка-пирчака!

— Варезка-перчатка? Как барышня-крестьянка:-)

— Садись за стол, варезка-перчатка.

— Ешь Нутеллу голышом?!

— У неё усы шоколадные!

— Сейчас вытру.

— Лучше сфоткай.

С вами весело. В середине лета и осенью было хуже, сейчас удивительно спокойно и хорошо. Так и не получилось подумать. М, облилась дошем.

— Да ты гений.

— Какой гений?

— Чистой красоты...

— Скорее, грязной красоты.

— Да, пожалуй.

Москва, 25 Дек, 21:00

Долго ворочалась, стараясь не разбудить, но спать больше не хотелось. В комнате было душно, в объятиях приятно, но жарко.

Сначала проснулась я. Поцеловала куда-то наугад, обняла, укрыла одеялом, влезла в непомерно большой халат и ушла на подоконник курить.

Из открытого окна тянуло морозом, внизу в скверике мужчина выгуливал собаку. Чёрный на фоне белого снега. Он подводил свою чёрно-белую собачку к голубям, и она радостно рвалась вперёд, распугивая птиц, птиц было много, они взлетали, чёрные на фоне белого снега. Я улыбнулась, и мне захотелось сказать: «Смотрите, как прекрасно», мне захотелось показать, но человек спал, да и я поняла, что не смогу этого объяснить. Что-то вроде того, что «ну мужчина, ну собака, ну птицы» — в этом всём не было переживания, не было монохрома, поразившего глаз, не было того, что можно рассказать — лишь увидеть и пережить самому, если заметишь, а человек спал, и мне не хотелось его будить из-за такой мелочи. И я не решилась. Сидела и смотрела на чёрного человека, гуляющего чёрно-белого пёсика, распугивающего чёрных птиц, взмывающих с белого снега с молочное небо. Мне было красиво и хорошо, я улыбалась этой простой гармонии цвета. Ведь в мире столько цветов, а тут, сейчас, только два — не больше, но это тоже жило, это тоже была жизнь.

Потом было: «Вы проснулись?», — я проснулась, и скользнула под одеяло. Холодная кожа к горячей. Тепло. Мы целуем и обнимаем друг друга как-то непозволительно долго, мы спрашиваем друг у друга, который час, и узнав, что пора, никак не можем прекратить обнимать. И в этом тоже то, что нельзя сказать. Мы знаем, что расставшись, ещё долго не увидимся, мы делим момент, мы вжимаемся друг в друга, целуем друг друга наугад: то в макушку, то в щёку, то в шею — куда дотянулся, куда пришлось. Мы нежимся, и нам хорошо и тепло. Нам не хочется этого прекращать. Человек говорит о том, что ему хотелось бы сказать сейчас мне что-то очень приятное, много всего приятного, но слова выйдут короткими, и не про то. Человек говорит, что может сказать только так — и улыбаясь, и вздыхая, крепче сжимает меня в объятиях, совсем близко и тепло, не выпуская. Мы лежим так,

не расцепляясь, понимая друг друга без слов. И всё это как-то невозможно, пронзительно сладостно, и бесконечно. Но об этом не думаешь. И не знаешь, о чём думаешь в этот момент. Наверно о том, что слова часто лишние, что они не точны, и что ими нельзя сказать, например, этого, и того, про мужчину с собакой на белом снегу, и про многое другое. Но и эти мысли — слова, они скользят где-то на периферии, так, что не успеваешь подумать их толком, и отпускаешь без сожаления, потому что они не важны. Потому что, на самом деле, ты ни о чём не думаешь и думать не хочешь, потому что весь ты — это одно долгое-долгое, нескончаемое объятие, потому что весь ты — тепло другого, его бессловесный диалог с тобой, его объятие тебя, — вы.

Я собираю вещи для короткого переезда.

Свой любимый компьютер с двумя мониторами, книгу на 900 страниц по социальной психологии которую купил 4 месяца назад и был очень доволен на тот момент, но прочел пока только 40 страниц. Кучу грязной одежды, потому что не хочу оставлять грязную одежду дома, лучше постираю на новом месте грязную.

Еду в машине.

Постоянно напоминаю себе отвлечься от телефона, и посмотреть по сторонам, поскольку я так редко бываю на улице и так редко смотрю в окно что мне это обязательно нужно делать чтобы хоть как-то видеть красоту в реальном мире почаще, отвлечься получается.

Разговариваю с водителем, понимаю что в основном преследую цель чтобы в конце диалога было что-то приободряющие для водителя и делающие день незнакомого мне человека чуть лучше.

Вспоминаю как прошел год, точнее вспоминаю что он прошел, как именно прошел я не стараюсь вспомнить, всё стало не иметь такого значения как раньше, «что было, как было», ну было и было, имеет значение только что я буду делать дальше.

Радуюсь что сильно изменился в плане внутренних реакций на мир и происходящие вокруг. Отрицательного всё меньше, больше либо спокойного либо положительного.

Приехали, отмечаю что немного дерзко и холодно поговорил с охранником который не захотел пропускать машину, но потом решаю что я с ним поговорил по обычному, не со всеми же мне постоянно быть на короткой и дружелюбной ноге.

В доме есть бесплатная услуга по до возу вещей до подъезда, если вашу машину не пускают во двор.

Дарю узбеку что помогает довезти вещи, огромную банку бабушкиного сока, читаю на его лице благодарность, радуюсь этому.

Разложил вещи, подсоединил компьютер, почувствовал что мне здесь очень спокойно и нравится.

Жить я буду здесь 4 дня, это жалко, но на самом деле это не имеет значения, имеет значение только что я буду делать.

Рядом моя кошка, которую не видел пол года, рад её видеть, хотя спокоен и по этому поводу тоже.

Санкт-Петербург, 27 Дек, 12:00

Это был очередной час создания сервера для игры с друзьями. Постоянного поиска ответов на возникающие вопросы, решения вновь возникающих проблем.

Мои друзья все время просят «написать» новые скрипты, сменить карту и сделать это достаточно быстро. По итогу, я просто беру все, что можно взять из интернета и адаптирую под свои нужды.

Накануне я задал вопрос на форуме по очередным трудностям, с которыми столкнулся. Получив за день два ответа, решил именно в этот час сформировать отзыв на эти сообщения. Да, возможно решение проблемы так и не придет, но здесь, все же, не об этом. А о том, как иногда важно задать вопрос и быть услышанным. Как важно иметь связь с миром, с людьми, которые уже имели дело с чем-то похожим. Это все дает ощущение, что мы, на самом деле, в известных пределах — не одни.

Алматы, 23 Дек, 22:50

О, может быть она что-нибудь выложила, есть причина иногда зайти в инстаграм. Конечно я залипну сначала на этой странице, которую могу читать сколько угодно, но не читаю, потому что потом меня мучает единственный вопрос, почему я не могу так же и надо ли оно мне. Из-за своего затворничества, опять чуть не пропустил классное мероприятие. Я удалил всю ленту вк и только подписался на уведомления о постах, некоторых людей. Хорошо, что я подписался на нее, иначе этой главы бы не было.

У меня много интересных мне мыслей, я регулярно переступаю через свои страхи. Почему я не пишу об этом онлайн? Я не хочу показаться псевдофилософом, их пруд пруди. Я до сих пор не могу поверить, что люди забивают в google “умные мысли для инстаграм” (Вы смотрели #чехочу @chumavecherinka?, вам не страшно?). Я знаю с кем и чем я хочу поделиться, зачем мне писать общо для всех, если в итоге это увидят совсем не те, кому я хотел об этом рассказать? Я не хочу хвастаться как остальные. Все выкладывают только хорошее. Так выкладывай и плохое. Я не хочу, это личное, это делает тебя уязвимым. Еще я не люблю нытиков. У меня есть восхитительная опция не выкладывать ничего. Это позволяет тебе меняться быстрее, у тебя нет социальной инертности. Маск отлично подметил: «если ты что-то сказал онлайн, а потом удалил, люди ни за что не поверят, что ты больше так не думаешь». Чем меньше человек о тебе знает, тем меньше он изменяет свое поведение, тем проще понять кто он. Тогда выкладывай хорошее просто так, чтобы поделиться. Чтобы быть как все идеалисты, которые бояться, что о них подумают плохо и притворно выслушивать их похвалы? Так почему тебе это сверлит голову? Это круто делиться, ты как будто посылаешь волны в космос, и коллективное бессознательное помогает тебе двигаться в нужном направлении. Откуда ты знаешь, если ты не выкладываешь? Я говорю лично тем людям, которые мне симпатичны. «Никогда не слушай советов, людей, которые живут не так, как хотел бы жить ты».

Если выкладывать, ты должен быть готов к дискуссии. Я не хочу, чтобы в дискуссии люди поняли, что я не люблю людей. Тебе хочется всем понравится? Нет, не всем, хочется понравится только людям, которые умнее меня и не отпугнуть остальных. Это еще зачем? Я помню свою реакцию на людей, которые мне не

нравились. Сложно прислушаться к идеям таких людей. Вы задавали себе честный вопрос, стал ли бы ты дружить с человеком, которым ты восхищаешься, будь он здесь и сейчас таким какой он был? А он с тобой? Мне нравится этот эффект конфликта. Не понимаю, как людей могут не вдохновлять биографии.

Почему ты не любишь людей? Они глупые. Почему? Потому что я понимаю, что есть люди во много раз умнее меня и лучше меня, а они нет. А если понимают, то стараются об этом не думать, надо же любить себя. Или они просто думают, «тот, кто умный ему это было дано, он не анализировал, просто был умный и все, а я глупый, что мне теперь не любить себя?». А может и думает что глупый, но умным считает дурака. Ну у всех свои кумиры, каждый стремиться к своей цели. Я не понимаю, что они находят в рэпе. Я понимаю их идеалы в любви и отношениях. Я не понимаю зачем говорить о мелочах. Зачем говорить лишь бы сказать. Зачем выглядеть как куклы. Может ты просто не любишь себя? Быть самовлюбленным это еще не значит любить себя. Если тебя так все раздражают, просто наплюй на них. Это глупо. Это просто уход от проблемы. Каждого можно понять, это требует терпения и выдержки. Ты думаешь, что не любишь людей, но при этом ко всем доброжелателен. Я знаю, что часто я предвзят, и за каждым есть что-то особенное. Каждый раз, когда я общаюсь с новым человеком, я удивляюсь своему искреннему желанию подружиться с ним и открыться ему. Люди бывают очень разные и удивительные. Я люблю, когда люди открываются мне, если бы они знали о моей снобизме, я бы многое потерял. Не люблю людей, которые не любят людей. И так же, я не понимаю как можно искренне любить всех людей, мне кажется, те кто так делают, просто видят в них то, что хотят видеть и глубоко не копают.

Почему ты хочешь быть лучше других? Я хочу быть поводом для чьего-то изменения, как это произошло со мной и людьми, которыми я восхищаюсь. Ты хочешь всех изменить? Я хотел бы изменить хотя бы своих детей (у меня нет детей). Так ты же их отец, просто воспитай их такими каким ты хочешь. Ты не можешь сказать ребенку что делать. Все, что ты можешь, это быть примером. Если ты не интересный пример, у них будут чужие ценности или еще хуже, они будут такими же скучными как и ты. Ну если говорить про соц сети, просто отними у них гаджеты и

все. Нельзя! Человек мгновенно теряет кучу навыков. Они совсем иначе видят эти инструменты. А что тебе мешает использовать эти инструменты также? Делай образовательный контент. Да не надо пытаться использовать эти ущербные штуки для клипового сознания, как образовательные платформы. Вы просто тешите чужое и свое самолюбие. Что это за ресурс, если на нем не работают даже гипер ссылки в постах. Чего ты так бесишься? Иди и делай контент там, где работают гиперссылки, думаешь образовательный контент когда-нибудь был популярнее развлекательного? Да, но кажется пропорции совсем другие. Развлекательного и псевдо образовательного на много больше чем нормального контента.

Ну я и зануда, не люблю зануд.

Раньше я больше писал дневники. И я понял что делал это неправильно. Надо писать не то, что сверлит тебе голову, а то что кажется непоколебимой истиной. Это такие вещи которые, как тебе кажется определяют тебя, если они изменятся это будешь уже не ты. И, когда они изменяются, ты с удивлением обнаруживаешь, что это все еще ты и все становится еще интереснее.

Зачем ты все это написал? Интересно, откликнется ли это в ком-то. Так ты же не узнаешь, глава-то анонимная. Кому захочется поговорить, найдет способ. А может кто-то книжку посоветует хорошую.

Я выхожу с работы рано, хотя и пришёл сегодня поздно. Ну и ладно, основное всё сделано, у большинства партнеров пред рождественское состояние, так что всё равно никто не работает. Да и зарплату нам периодически задерживают, так что внутренних оправданий, почему можно не соблюдать график вполне хватает. Да вообще у меня свидание. До места встречи мне добираться час.

Обычно я всегда и везде опаздываю. Стабильно приходил позже минут на 15 в школу, в универ, на работу (в тех случаях, когда за это не карали). Но вот на первые свидания как-то всё же стараюсь приходить вовремя и заранее. И на вокзалы, и в аэропорты. Наверное, что-то внутри меня хорошо знает, что в жизни важно, а что не очень.

У свидания нет никаких перспектив. Девушка живет в Германии и через неделю улетит туда. Ну и что? Она, вроде, интересная. Наполовину француженка. Я заявил, что мы будем говорить по-французски и производить на окружающих впечатление потомков белоэмигрантов. Наверное, мне это нравится – производить впечатление. Хотя это довольно глупо.

Сколько таких свиданий было за год? Что-то около дюжины. Иногда я, кажется, и правда на что-то рассчитывал. Иногда ходил просто из интереса. Иногда так долго переписываешься с девушкой, что не позвать на свидание уже было, вроде, как-то и неприлично. А вообще это, наверное, способ оправдаться – ну вот, я не сидел сиднем, я что-то делал, я пытался. Ничего не вышло, но пытался же!

В середине года девушка, которая, была, как кажется, единственной за всю мою жизнь, про кого я думал, что хотел бы видеть её матерью своих детей, сказала, что она-то детей от меня не хочет. Хорошо ко мне относится, мы близко дружили. Просто она так чувствует, причину не знает. Или говорит, что не знает. Я, наверное, никогда этого не пойму. Нам было хорошо вместе, а потом что-то исчезло, и это тянулось много лет, и, конечно, это всё чувствовалось. Но вот я добился, что она сказала мне это в лоб. Я не в обиде, и даже не в депрессии. Я не знаю, что. Я хожу на свидания.

По дороге вижу цветочный магазин. Помню, одна коллега спросила несколько лет назад, когда я собирался на какое-то другое свидание, понесу ли я цветы. Я искренне удивился — зачем? Я увижу человека в первый раз. Он сам, его голос, что-то ещё может мне в первые пять секунд сказать, что ничего не выйдет. А я с веником. Это ж так тупо, разве нет? Люди же встречаются, не чтобы серенады петь, а чтобы узнать друг друга лучше. Зачем делать вид, что ты какой-то не такой, какой ты в обычной жизни? Стратегически это бессмысленно. А может я слишком зануден? Мне такое говорили. Но никто не говорил, что это плохо или что я не прав. Короче, я без цветов.

Подхожу к месту. «Я буду ждать Вас у ворот синагоги» — ради возможности произнести одну эту фразу стоило назначать свидание. Кажется, мне и правда нравится позерство. Как будто смотреть на собственную жизнь, как на фильм. Но это глупо. Например, я водил красоток в театры. Они были в роскошных платьях. В этом году я узнал, что это называется «демонстративное потребление». И лично мне оно не даёт ничего. Вообще никаких ощущений. Было интересно попробовать, чтобы убедиться, что это тупо. Вот та, с которой мне хотелось детей, с ней не было никакого демонстративного потребления. Но с ней были сильнейшие чувства. Почти ровно пять лет назад под Новый год вместе с ней я пережил самый счастливый момент в жизни. И я не могу и не хочу делиться историей об этом публично. Да и слишком много деталей пришлось бы объяснять, да и всё равно не поймут. Это было слишком про нас и только про нас. Никакое демонстративное потребление, ничто вообще никогда не даст тебе таких эмоций, как когда ты сделал так, что человек заплакал от нежности. Итак, прошло пять. Я не уверен, что такое вообще может когда-либо повториться. Я стою и жду начала свидания.

Как мне поприветствовать её? На французском, как и договаривались? Или по-русски и не выпендриваться? Или по-немецки? Она живет в Германии, а я по-немецки знаю не сильно больше, чем «гутен абен». Надо ли сразу стараться шутить или обождать? Обычно-то оно само как-то выходит. Предыдущее свидание я счёл удачным, потому что узнал кое-что интересное из профессиональной сферы. Полезное, так сказать, знакомство. А до него было свидание, на котором девушка рассказала очень забавную историю из детства — было весело. А вот она и идёт, осталось метров двадцать. Я вижу её улыбку.

Она хорошо улыбается, как и на фотографиях. Может, это природное, а, может, европейское. Мне нравится. Как минимум это будет приятный вечер. Так что же сказать? Но она говорит первой «Salut!». Придётся вспоминать грамматику. И, может, и правда удастся произвести впечатление потомков белоэмигрантов. Это будет забавно. Да, я люблю, когда забавно и смешно. Как там сказал Дуани Младший, когда играл Чаплина? Ему сообщили, что девушка, которую он любил, умерла от испанки. Ему так плохо, что он не может усидеть на месте в купе. Он выходит в тамбур, его сгибает пополам. А поезд уже тормозит. За окном видны толпы приветствующих его поклонников. Заходит его друг.

— What do we do, Charlie?

— Smile.

Ты просыпаешься в 2 часа ночи.

«Ночь зимой, это почти когда угодно. Особенно на выходных. Это как выбирать в магазине между сотнями одинаковых вещей. Тупая консьюмеристская метафора, но очень подходящая. Из сотен равнобезразличных возможностей, на которые ты смотришь, выбирается что-то самое привычное. То, что отдается какими-то электрическими импульсами узнавания в мозге. Пффф. Науч-поп убожество в голове – пойдя вон. Но так и со сном зимой. В 4 часа дня ты критически оцениваешь предложенный тебе за окном продукт – сумерки. Нет. Еще рано, хотя уже темно. Не будем брать. 5 часов. Рановато. Выбираем дальше. 6 часов вечера. Рановато, но не всегда же делать все как обычно? А «все как обычно», это когда ты всю прошлую ночь не спал и читал какие-то говно-книги? Типа того, да. Где тут дают прилечь на что-то горизонтальное?»

Упс. Уже 2 часа ночи.

«Что тебе снилось, крейсер Аврора? Кажется, там было что-то про музыку. Во сне я не умею играть ни на чем и четко понимаю это, но почему-то звуки издаются гораздо мелодичнее, чем если бы я также бессмысленно возил пальцами по инструменту наяву. Предполагаемые и фантазируемые мелодии послушно сами обрастают красивой аранжировкой, которую я не воссоздам в реальности и звучат на весь сон. Что же там такое звучало-то? Почему ничего не могу вспомнить? Вроде у меня есть какие-то дела, которые требуют себя сделать? Надо вставать и делать вот это все, что люди делают, когда они просыпаются.»

Ты встаешь с кровати идешь в ванну, моешься. Так. Мы проснулись. Где-то тут была еда, надо устроить то, что теоретически можно назвать завтраком. Какой-то бесконечный автоматизм. Все как у робота:

Поставить чайник кипятиться,
поставить чашку рядом,
поставить еду греться,
положить на стол приборы,

вынуть подогретую еду,
поставить на стол,
налить из чайника в чашку,
поставить чашку на стол,...

«С едой как-то проще, чем с проекцией социального графа на шахматную доску. Кажется, вчера я заснул посреди этого изобретения велосипеда. Что люди только люди не делают, лишь бы не читать первоисточники. Срубило на вопросе о том, как лучше оценивать положение элемента на шахматной доске. Относительно его центра притяжения или относительно соседей. Вроде и то, и то важно, но выбрать придется что-то одно. Как я ненавижу свою тупость. Наверное, какие-нибудь настоящие математики, ученые, они вообще это дерьмо за задачу не считают.»

Ты ходишь по квартире в достаточно хаотичном порядке, все еще не проснувшись и плохо понимая, что теперь делать-то. В твоей комнате за окном ночь, шум улицы. Над крышей ближайшего дома как ореол светится отблеск наружной рекламы. Он отражается от облаков и светит в окно. Телефон. Где? Вот он. Время интернет зависимости!

«Ах, блин. Телефон. Ты же стал совсем плохо работать без возможности излечения. Я же как раз вчера весь день обсуждал, что придется купить на замену, чтобы обеспечить парето-оптимальность между жадностью и пафосом. Сядем за компьютер. Вот наш убогий код. Тут надо дописать еще один if. Он мне пришел в голову, пока я засыпал. Когда человек доходит до своего любимейшего чувака на доске, надо проверять, что пара находится не дальше, чем на расстоянии в один шаг 1 по всем измерениям. Иначе они будут вертеться вокруг друг друга. Разницы немного, но нафиг это мельтешение нужно.»

Ты встаешь и выходишь на кухню, чтобы налить чая. Это такое типичное ночное развлечение. У ночи вообще есть свойство состоять из светящегося монитора и чая. Эти вещи хитро переплетаются во времени, создавая странную сюрреалистическую четырехмерную комбинацию. Она гипнотизирует и вводит в прокрастинационный транс, который иногда сменяется воодушевленной активностью. Но не всегда.

Когда наступает утро, ты уже не можешь видеть ни чай, ни монитор. От всего этого легонько тошнит. Но это утром. Ты возвращаешься к монитору и открываешь другую вкладку.

– Как сам?

– Страдал днем выбором телефона. Пока ничего не придумал, как жить дальше

– Телефон? ****!

– Ну вот и я думаю. **** уже староват. *** слишком дорого для своих характеристик.

– **** охуенчик, как раз недавно мужу тещи его советовал, но я думал, ты такой дорогой не хочешь)

– Камон. Я нацеливался на ***.

– Я не знал.

«Почему меня никогда не учили выбирать? Что это за глупые метания по пустым поводам? Почему нельзя просто, например, бросить кубик с нужным числом граней, и он бы выбрал случайно. Наверное, таких кубиков-то и не сделать на все случаи жизни, чтобы любое натуральное число было реализуемо с равной вероятностью. Надо подумать. Я уверен, что такая задача еще в 19 веке ставилась. И или ее решили, или доказали невозможность, или до сих пор страдают какие-нибудь адепты теории групп и теории чисел. В любом случае, он бы не помог тут. Выбор любого варианта утыкается в эмоциональные контраргументы за другой вариант. Ебанная демократия в голове. Хорошо, наверное, иметь там такого диктатора императивного, чтобы он как принял решение, так и знал, что оно лучшее, потому что ОН его принял. И все остальное побоку. Есть же такие люди.»

Прокрастинация, бессердечная ты сука. Ты открываешь следующую вкладку. Там какой-то господин жалуется тебе на травлю в учебных заведениях. Он аргументирует это нелюдимостью и нежеланием общаться. В голове всплывает образ собственной школы и пустой скамейки на который ты сидишь. Тебе 13 лет. Вокруг еще темно, как на улице. Свет в коридоре не включен. Первый урок еще только через час. Никого нет. Кажется, что тени света из окна медленно двигаются по стене и постепенно растворяются. Это один из наиболее частых образов тебя в твоей голове.

«Стоп. Тут что-то не то. Я же тоже был еще тот социофоб в школе. Я приходил рано и сидел один. Потом это вошло в привычку – всегда сидеть одному. Даже днем. Никто не доябывался вроде. Когда я хотел изредка общаться, тоже вроде ничего плохого со мной не делали. Играли норм, хоть и считали странным. Но я же этого и хотел. Я всегда хотел, чтобы так на меня и смотрели. Как на странное, нелюдимое, мрачное чудовище. И вроде у меня начало с какого-то момента получаться. Не в нежелании общаться тут, кажется, дело. Нежелание общаться со сверстниками бывает с разными дополнительными атрибутами и хрен знает, что у этого чувака в голове. И хрен знает из-за чего его травят. В наше время не очень принято говорить таким людям – иди лечись. Нелогично. Вроде как его травят, а он должен лечиться. С какого хера? Посмотрим на вопрос другой перспективы... Общество он сейчас точно не переделает, если вдруг начнет, зато ебанется на почве социальной борьбы. Это он может. Из огня да в полымя. Большое счастье, переформулировать вопрос травли на себя кучкой людей в вопрос травли себя всем обществом сразу. Эта проблема в ближайшее время точно не решится. Ему эгоистично выгоднее все-таки ему сходить к психотерапевту. Может там сочинят, как себя вести, чтобы не пинали. И не придется тратить всю жизнь на борьбу за все хорошее.»

Во дворе хлопает дверь машины. Слышатся какие-то голоса. Потом все снова сливается в однородный ночной гул города с накатывающими волнами звука трамваев и машин. Ты вспоминаешь, что днем тебе писал комментарий с вопросом знакомый физик. Надо бы ему ответить что-то. Мда. Он стер комментарий. Кажется, он подумал, что ты его игнорируешь и обиделся. Ну и хуй с ним. Фифа.

«О! Кажется у меня созрел выбор телефона. Теперь меня не корежит, когда я думаю о том, что надо купить именно этот. Как оно в голове, все-таки странно работает. Надо заказать, чтобы утром уже забрать.»

Открыв и потупив еще 15 секунд в код в редакторе, ты заходишь на сайт интернет-магазина.

Нижний Новгород — Москва

Нижний Новгород, 23 Дек, 20:31

Одиночество — очень громкое слово, емкое, всеобъемлющее, способное уместить в себе целый мир и всего тебя. Поглотить живьем и не отпускать, ведя с тобой битву до одного победителя. Кажется, я проиграла.

Я не помню момента, когда началась война, но прекрасно помню, когда надо мной впервые одержали победу. Все, что я чувствую сейчас — гулкое одиночество, зудящее в каждой клетке, обволакивающее каждый сантиметр тела, комнаты, города. Кажется, если присмотреться, его можно увидеть. Для меня — одиночество черно-синее, не имеющее в себе ни границ, ни просветов, ни надежды на то, что есть выход и жизнь «по ту сторону». И как бы меня не старались спасти, все это — лишь попытка осветить темноту короткой спичкой. Момент. Попытка. Тщетно.

Одиночество свойственно тем, кто совершенно один, но страшнее — быть одиноким, имея в своем окружении некий список людей, который может включать в себя совершенно всех, кто может позволить тебе чувствовать себя нужным этому миру. Казалось бы, откуда братья всем тем чувствам, что с таким холодом обволакивают мою жизнь, ведь у меня есть мама, любимый человек, кот, пара хороших знакомых по переписке, одноклассники. Это довольно внушительный список для одинокого человека.

К огромному сожалению, не всем входящим в нашу жизнь удается в нее принести что-то большее с собой, что сможет сделать нас лучше, сильнее, счастливее. Кто-то может попытаться отдать часть себя, а кто-то — будет лишь потреблять. Это нормально. Не нормально быть одиноким в свои 22.

Слушая слова мамы о том, что у меня что-то в очередной раз не получается, как сильно она разочарована и огорчена мной — о себе дает знать та самая черно-синяя пустота, которая успела утихнуть от предыдущей волны, накрывшей с головой. Мама уходит, слышно, как закрывается дверь, вторая, поворот ключом. Остаешься лишь ты, отдающие эхом слова, сказанные минутой ранее и та самая боль, которая заставляет тебя чувствовать себя ненужным и никчемным.

Ты словно чувствуешь этот постепенный приход, то, как торжественно и беспардонно одиночество врывается с новой силой. В этот момент безумно хочется с кем-то поговорить. Нет, не жаловаться, не обсуждать, не плакаться. Просто поговорить. Позвонить кому-нибудь, слышать голос, чувствовать человека ближе, чем буквы на мониторе. Но мне некому. От слов «совсем» и «абсолютно». Телефонная книга ограничивается списком контактов тех, кому просто так не звонишь обычно. Приходится справляться со всем этим самому, но каждый раз, желание сдаться становится лишь сильнее. Сдаться совсем, используя те самые четыре смертельные дозы из своей аптечки.

Рыдания, всхлипы с попыткой вобрать в себя хоть немного воздуха, желание вырвать из себя все то, что так неистово начинает ныть внутри. Одна рука на груди, вторая на горле. В попытке прийти в себя проходит пара часов. Боль не ушла, лишь утихла, одиночество никуда не делось и лучше совсем не стало. Я все еще тот же человек, в той же пропитанной насквозь болью комнате, в том же городе, который подарил столько трудностей. Я проиграла. Снова. Раз за разом, по похожим сценариям, дальше и глубже. Это все — отбрасывает меня дальше и глубже. Это ведь должно когда-нибудь закончиться?

Мне начинает казаться, что я больше не могу бороться, это похоже на битву с собственной тенью в пасмурный день. Я проиграла. И я больше не хочу играть.

Близкие люди наносят самые глубокие раны, способные изувечить и увековечить в нас то, что будет болеть каждый раз, когда заденешь. Я боюсь впускать в себя людей, любить, быть любимой. Ведь я никчемная, зачем кому-то портить жизнь собой? Человек, который в меня влюблен, считает, что я прекрасная, самая лучшая. Он говорит, что я «безграничная». Мое черно-синее чувство описано этим же словом. Может, я и есть одиночество? Может, я сама не заметила, как пропала грань, как прошло слияние в одно целое. По ощущениям я слишком крепко выросла в это состояние, оно обросло вокруг, сделав меня сердцем, которое болит.

Мне так хотелось позвонить ему сегодня, услышать голос, попросить прийти, но я знала, что он спал. Думала, что буду навязчивой и это все- не повод набрать его номер. Мне так

хочется любить, брать, отдавать, перестать бояться и наконец всплыть. Знать бы только наверняка, что Т. – на века.

Этот день не должен был быть таким, как и любой другой, в котором одиночество душит сильнее петли на шее. Это, определенно, когда-нибудь должно закончиться. Главное, чтобы раньше, чем закончусь я.

Оставь меня, пожалуйста, мое одиночество.

P.S. Я знаю, что ты прочтешь это. Спасибо, что пытаешься меня спасти, мне это действительно нужно. Я люблю тебя, Т.

Алматы, 27 Дек, 17:45

Час ожидания

30 Дек, 08:52

Пошла, значит, я на кухню, вымыть яблоко, и встретила парня-второкурсника, который полчаса назад вновь спросил у меня что-то из еды, и что я ему, разумеется, выделила. Обрушившись на него с упрёком, говорю:

— Почему я тебя кормлю — а ты мне в ответ — ничего, Влад?

— А что ты хочешь? У меня есть орехи, мёд. Неси ёмкость — отолью тебе мёда.

(А мы оба из Сибири, поэтому такой незатейливый и конструктивный диалог не мог сложиться ни с кем другим с нашего этажа. Тем более о мёде!)

Я принесла кружку для походов. Наливает, параллельно просит сполоснуть его шейкер и спрашивает, наполнив кружку наполовину, хватит ли мне.

Я с яблоком торчащим изо рта, так как руки заняты, отвечаю, что можно и побольше. (что предрасположило к такой наглости — Ума не приложу! однако же он покорно доливает до краёв).

Обмениваемся предметами благодарностями. Расходимся. Я шучу напоследок, что вижу как много он ел сладкого. Даю совет. Обещают занять почти кусок дегтярного мыла. Вношу мёд в комнату и сразу пытаюсь впихнуть маленькую порцию Ксю. Моей шикарной соседке. Но сегодня она вредничает, как и вчера. Поэтому приходится уйти с поражением. Вновь покидаю комнату тут же встречаю по пути свою дорогую Нелли — она приклеивает к ручке двери наших мальчиков «будете только к завтраку», и рассказывает мне, что воскресенье пойдёт на кофе с одним интересным молодым человеком с ScienceSlam. Вываливаются парни. Кусают мой бутерброд.

Я возвращаюсь в комнату, чтобы, наконец, продолжить своё образование, и некоторое время читаю, сидя на стуле, подогнув под себя обе ноги. Но не выдерживаю присутствия плохого настроения в нашей розовой комнате и зову Ксю. Она оборачивается. Я поднимаю ногу вертикально вверх над столом, над ноутбуком, над головой, над всем материальным миром и заявляю — «хоба!»

Ксю незамедлительно отвечает тем же.
Занавес.

Санкт-Петербург, 19 Дек, 20:00

Настоящий выходной

Это был настоящий выходной. Один из тех дней, когда не надо никуда бежать, срочно делать что-то, звонить и делать выбор, без которого «ОЧЕНЬ» важное дело будет не сделано или, что еще более страшно, что кто-то неведомый или знакомый провалит совместное дело, которое долго готовилось и не может быть выполнено снова.

На часах был час дня, день 364 дня года. Кофе был выпит, утренние новости — просмотрены и проанализированы тщательнейшим образом. Два свободных от встреч и работы дня оставшегося 18 года были даны вселенной, чтобы собрать оставшиеся подарки, написать сообщения и письма, ожидаемые друзьями и (в том числе и эту главу) и завершить другие гештальты.

Порой, время словно замедляется немного и ты решаешь просто побыть в сейчас, пожить настоящим, прочувствовать момент наедине с собой, почитать или поделить что-то давно запланированное, может быть, монотонное. Мне нравится называть это медитацией.

Медитация в моем случае отлично сочеталась с получасовой пешей прогулкой за бутылкой вина к празднику, а незагруженность событиями этого дня позволило не брать такси или ехать на автобусе. Прекрасная новогодняя погода — легкий минус, привычное небольшое скольжение по улицам Питера — всё очень родное и знакомое.

Сначала тишина, наслаждение звуками города, потом несколько телефонных звонков и беседа с давней хорошей подругой. Завершение года в её версии, легкое погружение в жизнь другого человека. В один момент ощутить себя наблюдателем, а после разговора прочувствовать сильнее самому уже про свою жизнь и год. Ощущение сродни чувству, когда понимаешь, что спишь в процессе сна. Самосознание и рефлексия — прекрасная штука.

Магазин. Вход. Покупательская лихорадка, корзинки, заполненные мясом, водкой, шампанским и красной рыбой, мандарины в сетке. До момента, когда товары начнут сметаться с полок остается чуть меньше 24 часов.

Вместо одной бутылки — 4, одна в подарок — для мамы любимой девушки, три — "на всякий случай", вспоминая поговорку про "два раза не ходить". Обратная дорога — уже на автобусе. Время для пешей медитации закончилось, теперь динамика. Ну и плюс — невозможно разбить, поскользнувшись.

В автобусе — странный персонаж, который сначала о чем-то кратко предупреждает или просит разрешения у кондуктора/контролёра, а потом на весь автобус предлагает избавиться от новогоднего похмелья, сам при этом, не сказать чтобы в трезвом уме и здравом сознании. После привлекательного для многих предложения, анонсирует доказательство — то, что он сможет добежать до следующей (по маршруту движения автобуса) станции метро и сесть в этот же автобус, зачем-то делает снимок объявления в салоне и стремительно выбегает на остановке.

Доказательства чуда дожидаться не стал, вышел на следующей, но порадовался за пассажиров, вернувшихся в реалии сегодняшнего дня так безболезненно и легко или ставших невольно свидетелями чуда. После подобных этой ситуации — прилив сил, энергии, бодрости духа, +100500 к яркости и вкусу.

Удивительное и странное всё-таки это время.

Утренние лучи солнца залили мою комнату ярким светом. К балкону прижалась зеленая, пушистая пальма. Я встала и выглянула в окно, там соседи в майках и шортах, неспешно выгуливали собак, держа в руках бумажные стаканчики ароматного кофе. А где-то неподалеку, всего в паре километров, был спокойный, лазурный Персидский залив с теплым и мягким песочком.

— «Эх, опять тоже самое», — подумала я, буквально мельком взглянув на все это. — «Хоть бы дождик заморосил. А еще лучше — гроза!».

В этот раз, я расстроилась больше обычного. Ведь сегодня был первый день зимы и где-то далеко, на родине, скорее всего, шел снег. А я, вот уже почти как 9 лет, живу в стране с невыключаемым солнцем.

Я задернула шторы.

Дубай, 25 Дек, 08:00

Сейчас вывезла макулатуру с работы. Наконец избавилась от неё. Камень упал с души. Вопросы — «как это сделать?», «кто поможет? почему же они не могут сами её вывезти» — сидели во мне последние полгода. Чувствую радость и облегчение.

Сейчас Оля довезет меня до остановки и умчится на своей старенькой бмвшке по делам. Пока едем, обсуждаем жизнь и железную дорогу, на которой обе работаем. У нас не во всём сходятся мнения, но она мне нравится. Добрая, компанейская, уверенная в себе девчонка. Этого чувства мне так не хватает по жизни и пока не могу с этим ничего сделать.

Попрощались. Теперь остаётся дожидаться 83-ю маршрутку и поехать домой. Ноги замёрзли, очень. Когда же она приедет? Включаю музыку.

Наконец подъехала. Села возле окошка-любимое место. За окном темно и ничего разглядеть не получается. Всё равно радуюсь, что не пришлось спускаться в метро. Дышу спокойно, слушаю музыку и пытаюсь сосредоточиться на этом моменте, в сейчас. Без планов на будущее и проблем.

Села в поезд на станции Роккомити. Эта станция находится в городе, где достаточно иностранных студентов, поэтому никто на меня особенно не смотрит. Но я еду туда, где в поездах всё внимание будет приковано ко мне: кто это такая? Зачем она здесь? Как сказали мне однажды там, куда я сейчас еду, – у нас тут никогда не было иностранцев.

В этом году моя голова без передышки анализирует происходящее в жизни и вокруг. Я переехала туда, где мечтала жить, сделала то, чем когда-то мечтала гордиться однажды. А ещё я убедилась на своем опыте, что в жизни никогда не бывает все просто. Эйфория весной и невыносимо жарким летом сменилась долгими задумчивыми осенними вечерами. Я почувствовала себя потерянной где-то между мирами. Не могу сказать, что это чувство меня напугало или насторожило. Кажется, подобное самоощущение было со мной всегда. Недостаточно тут, но и недостаточно там. Всегда немного в своей голове. Но на этот раз все оказалось буквально. Мой язык все лучше, и это видно по результатам тестов, по бесконечным часам дискуссий на языке, по без промедления узнаваемым сложным словам и ставшему ещё лучше произношению. Я чувствовала себя комфортно на экзамене, об участии в котором раньше могла только мечтать. Я восхищаю и очень-очень радую ту себя, что грезилась о таких успехах несколько лет назад. Но сама я не чувствую успеха. Никогда ещё раньше не было так сильно чувство собственной необразованности, незнания языка, беспомощности, глупости. Знание – действительно страшная штука. Чем лучше ты становишься, тем беспокойнее и тревожнее становятся твои дни. Приходится щипать себя и находить способы показать себе, на какой ступени ты находишься сейчас и сколько всего ты уже смог. В последнее время я много думаю о синдроме самозванца. Но в чем-то эти беспокойства обоснованы. Разговаривая с близкими и просто знакомыми (а разговоры – это важнейший элемент жизни), понимаю, что в этих своих ощущениях я не одна. Мы уже достаточно хороши, чтобы жить тут самостоятельно, чтобы поддерживать отношения разных форматов, чтобы учиться в университетах, в конце концов. Но ещё недостаточно хороши,

чтобы прочитать серьезный договор, чтобы понять какую-то литературную отсылку. Нам непонятен юмор. И мы оказывается где-то посередине. Не там, и не тут.

И в этом состоянии оторванности от всего мира мне чётче, чем когда-либо, становятся видны все мои слабости, все маленькие детали, все черты своего характера. В этом году я сделала большой шаг навстречу себе.

За окном проносится японский городской пейзаж. Маленькие домики спустя какое-то время сменяются громадными небоскрёбами. Мы подъезжаем к Осаке. Мне нужно сделать несколько пересадок, проехав ее насквозь, сесть на другой поезд, тот самый, в котором, скорее всего, на меня многие будут смотреть. Но я приеду туда, где даже несмотря на языковые недопонимания мне очень рады. Для того, чтобы найти хороших друзей и просто стать счастливее самому по себе, обязательно выдерживать экзамен.

Человеческое счастье

В канун нового года, так или иначе, невольно подводишь итоги о прошедшем, мечтаешь о будущем.

Не понимаю, как могут совмещаться в одних тех же людях великие успехи и глубокое одиночество.

Когда смотришь поверхностно на людей, кажется, они обеспечены, счастливы, могут позволить себе все, что захотят. Но стоит немного копнуть, и сразу всплывают грусть, обида, гнев, злость и прочие нерадостности. Так почему мы не можем быть счастливы здесь и сейчас?

Кто-то может, но не у всех хватает внутренних сил. Кто-то не умеет жить без поддержки и не хочет этому учиться, кто-то наоборот счастлив в своем одиночестве, но в любом случае всем хочется одного: тепла, любви, понимания, терпения.

Большую часть времени я провожу на работе, наблюдаю за людьми, за их трансформацией. И вижу, что кто-то замер в своем комфортном возрасте (лет 19) — когда ничего не парит и не беспокоит. И, несмотря на возраст, наличие жен, мужей, детей, люди не становятся взрослыми, не готовы брать на себя ответственность. Кто-то наоборот — не в силах что либо изменить и просто плывет по течению.

Кто-то ищет в работе защиту от негативных мыслей, пашет днями и ночами напролет, не замечая ничего вокруг. А годы молодые уходят.

При всем при этом, большинство объединяет непонимание того, что со всем этим делать и куда двигаться дальше. Кто-то мечтает о загранице, кто-то о домике в деревне. Но, в глубине души, каждый хочет одного — человеческого счастья.

Until it sleeps

Я еду в такси на скалодром, мой большой палец правой руки весь в крови и замотан бумажной салфеткой. Молодой и веселый водитель слушает радио, такое же молодое и весёлое как он, а я пытаюсь успокоить мысли. Он поворачивается ко мне:

— Ну как, у тебя уже новогоднее настроение?

— Нифига...

Я бурчу ему и уставляюсь невидящим взглядом в телефон. Какое уж тут новогоднее настроение, я весь на нервах, как будто бы жду своей очереди на экзамене. Не получается ни расслабиться, ни сосредоточиться хоть на чём-нибудь. Мозг привычно интерпретирует ситуацию и советует открыть башорг, перенося меня на 10-15 лет назад. Короткие цитаты, не слишком смешные, но достаточно занимательные. Получается отвлечься на некоторое время.

— Ой, кажется мы твой поворот проехали...

— Ничего, я пройду пешком, уже совсем рядом

Выхожу из такси, закидываю за плечи серый рюкзак, с которым путешествую те же лет 10-15, с тех времен, когда сдавал экзамены.

На улице типичный питерский зимний день. Серое небо, каша под ногами, ледяной ветер. Я иду по парковке возле промзоны. Начинает сводить пальцы, прячу телефон в карман и застёгиваю куртку. В голове одна мысль:

— Только бы всё было хорошо, только бы всё было хорошо, только бы всё было хорошо...

Пытаюсь заменить её в голове молитвой. Получается не очень:

— Живый в помощи Вышнего, ох какой уродливый забор, в крове Бога Небесного водворится, речит заступник мой еси и прибежище мое, Бог мой и уповаю на него... Что ж так пальцы-то мерзнут, а? Да избавит мя от сети ловче и словеси мятежна, и под крыле его надеешися, обыдет оружием тя истина его... Где же вход, с какой стороны?

Для молитвы нужна вера и концентрация, а у меня сейчас нет ни того, ни другого. Но вроде как-то помогает, мысли перестают так прыгать в голове.

Захожу внутрь, за баннер «Северная стена». Ох, какой огромный скалодром! И где здесь искать Антона? Прохожу внутрь, с опаской косясь на девушку-администратора: вдруг придется объяснять, что я на встречу, а не лазать, и что я не хотел бы ничего платить. Но до меня никому нет дела. Не нахожу глазами Антона, звоню ему. А, вот та фигура на другом конце огромного цеха, превращенного в скалодром, потянулась к телефону, потом обернулась, замахала мне рукой и, кажется, улыбнулась. Точно, Антон.

— Привет, Антон!

— Привет, Андрей! Ну как ты? Как там папа?

— Прямо сейчас ему делают операцию.

Мой голос дрожит.

— Я волнуюсь за него, но уже ничего не могу поделать. Кажется, я сделал всё в своих силах, теперь просто надо ждать.

Теперь начинают дрожать руки. Антон смотрит с сочувствием.

— А что с твоим пальцем?

— Да, пустяки, порезался ключом, когда закрывал дверь.

Видимо, и моя кровь захотела пролиться вместе с кровью отца, я подумал это, но не сказал.

Я не помню, о чём ещё мы говорили. Вряд ли это было что-то важное. Но мои мысли стали успокаиваться, руки перестали дрожать, голос стал спокойным. В какой-то момент подошла подруга Антона и я понял, что мне пора уходить. Я получил то, за чем пришёл, а бонусом ещё и психологическую помощь. Я посмотрел на часы — пора ехать в больницу, операция должна скоро закончиться, если всё идёт по плану. Если всё идёт по плану... Как трудно осознавать, что даже если ты сделал всё — этого может быть недостаточно. Что, несмотря на отличную командную работу множества хороших умных людей, жизнь моего отца сейчас зависит от случайностей и неизвестных переменных. Вот хорошо маме — она сходила в церковь, помолилась, отдала ситуацию в руки того, кто сильнее и мудрее. А

я уже так не могу. Приходится надеяться на мастерство хирургов, на прочитанные статьи и гайдлайны, на консультации, результаты анализов и другие факты. Полезные факты. Важные факты. Но абсолютно бессильные перед неопределённостью будущего. Факты не обещают ничего. Они не говорят: «Всё будет хорошо!». Хотя и приближают это самое «хорошо».

С этими мыслями я доехал до больницы и встретил там маму. Она сидела на мягкой скамейке со спинкой и выглядела спокойно. Но я понимал, что она тоже сейчас не находит себе места. Мы перекинулись парой слов и стали ждать. Я пробовал играть в игру на телефоне, но не мог сконцентрироваться даже на ней. Купил кофе в автомате, себе и маме. Купил шоколадку. Потом ещё одну. И ещё одну. И сухариков. Не то, что я был голоден, но надо же было хоть чем-то себя занять. Странно, но не было даже привычного и знакомого нервного возбуждения, которое обычно заставляет меня ходить по комнате из угла в угол. Странное, размазанное, тягучее, бесструктурное ожидание.

И вот зазвонил телефон. Хирург!

— Алло, Ростислав?

— Андрей, привет! С папой всё в порядке, зашиваем. Похудел килограмм на пять: удалили опухоль в тонкой кишке, удалили метастазы в печени, желчный пузырь, сальник... Крови потерял мало, грамм 200. Поднимайтесь на второй этаж, через минут 15 увидите, как его повезут из операционной в реанимацию. К вечеру он проснётся, завтра утром вы к нему сможете зайти, у нас открытая реанимация, как в Европе.

Мама всё понимает без слов, но я всё-таки кратко пересказываю разговор. Мы сидим на подоконнике, нас потихоньку отпускает. Мимо провозят папу, он спит, его лицо спокойно.

В голове — лёгкая каша. Отправил последние срочные письма, в сильной тревоге подправил несколько фраз на своём сайте. Теперь первая страничка прямо говорит, что онлайн эксперимент МОЖЕТ быть увлекательным, «но это не точно». На результат можно посмотреть на speaktoai.com. По-моему выглядит глупо, но друзья говорят, что забавно. Хочется верить. Выдохнул. Последние три часа превратились в кошмар: вместо запланированной приятной учёбы и работы над проектами — бюрократическо-этически-научный триллер. Какого чёрта?

Что случилось? Какой-то странноватый человек написал запрос о моём эксперименте сразу мне и в этическую комиссию, упоминая какие-то «red flags», которые бросились ему в глаза и что он «concerned about his rights as a participant». Поправил сам себя, что хотя его тон может быть недовольным, он "просто интересуется". Если он просто интересуется, зачем было писать в этическую комиссию?

Этическая комиссия — это не шутки, и как-то даже обидно, что после уточнения, что он имеет в виду, я получил только три вопроса:

1) «вот вы говорите про искусственный интеллект, а кому он принадлежит? Чей это интеллект?»

2) «вы говорите 'естественный язык' (natural language), а что это вообще значит?»

3) «а что такое этическая комиссия? у кого есть право решать, что этично, а что нет.».

Обидно потому, что «осадочек» у комиссии останется, может начаться какая-нибудь дурацкая проверка... Зачем вообще было её вмешивать, если у него просто праздный интерес? Обидно потому, что три часа ушло на перепроверку сайта на предмет неточных формулировок и излишне оптимистичных фраз, на написание развёрнутого ответа с прикреплением документов и т.д. и т.п. Обидно за нервные клетки, погибшие смертью храбрых. Эх.. Милые клетки, милые три часа... Но наверно лучше так, чем если бы случилось что-то серьёзное, хотя и сейчас не всё решено. Хочется, конечно, верить, что через N лет я взгляну назад и подумаю: «нашёл о чём переживать, дружище»... Посмотрим.

Девушка пишет понимающие смайлики в Facebook. Посмотрел на открытые ~ 80 вкладок. Забавно, что когда в Chrome их слишком много, новые вкладки появляются «где-то справа» и не видны совершенно. Их даже не закрыть без комбинации на клавиатуре. То есть чтобы закрыть новую вкладку, надо сперва закрыть какую-нибудь старую, чтобы новая съехала в видимый диапазон. В этом я вижу странную аллюзию на логику кота Матроскина. В этом рассуждении я вижу, что ничего полезного в лаборатории я уже не сделаю и иду домой.

Звоню девушке на Гавайи (мы в отношениях на расстоянии и тщательно стараемся оберегать совместное время). Вижу дерево, красиво подсвеченное из соседнего дома бегущими лазерными лучами. Вижу его не в первый раз (оно так часто выглядит перед праздниками), но только сейчас осознал механизм: раньше думал, что это гирлянда. Сообщил об этом удивительно открытой девушке. Попробовал заснять, но слишком темно. На вопрос «а где это дерево?», — отвечаю, что между «lab» и «home». Немного задумавшись, добавляю: «то есть где-то посреди Атлантического океана».

Где-то далеко Петросян чувствует неожиданный прилив гордости и счастья, а Джером Джером переворачивается в гробу. Но если и мне и ей забавно — почему нет? Я считаю что нет ничего лучше безобидно глупых шуток, тем более если они кому-то смешны. Иногда приходится себе об этом напоминать, так как один внутренний «я» обычно не упускает возможности подшутить над другим, хоть и по-доброму.

А всё-таки, где мой «home»? Вопрос этот меня не ранит и не мучает, но всё-таки он по-своему интересен. Недавно стоя в три часа ночи на кухне ощутил какой-то неожиданный бытовой инсайт — что кухня это кухня, холодильник это холодильник, линолеум это линолеум, что «тут», что «там». И что нигде на свете не будет ничего «особенного» в стоянии на кухне в три часа ночи — всё что «одно», и что всё это «одно» совершенно неважно. Не то чтобы я когда — то в этом сомневался, но всё-таки в очередной раз ярко вспоминается: «Человек есть существо ко всему привыкающее», — и в очередной раз сложно с этим поспорить.

Иду домой с мыслями, что надо будет открыть перед сном Демидовича (надо держать себя в форме). Или, может сделать еще что-нибудь «этакое, полезное». Сил не очень много, но хочется как-то

компенсировать украденные три часа. Да, я чувствую, что их украли у меня какие-то глупости, какие-то ненужные элементы пустоты, которой и так полно, на которую я злюсь, которая отвлекает от цели, далёкой и красивой.

А «здесь и сейчас» знаменитые Калифорнийские морозы заставляют застегнуть лёгкую кофту, надетую поверх шорт, и нежно напоминают о предновогоднем настроении. В телефоне звучит приятный голос, звёздное небо вносит посильный вклад в освещение и без того освещённой и опрятной дорожки. И жить хорошо... «любо, братцы»... вот я и живу.

————— Irvine. Где-то около Лос-Анджелеса, 29 Дек, 23:00 —————